

II.

Письма изъ Франціи.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Уважаемый другъ,

Вы опасаетесь,—не серьезно, полагаю,—какъ бы я не сдѣлалась католичкой, живя во Франціи. Нѣтъ, для меня, рожденной и выросшей въ православіи, это невозможно. „Кто, вкусивъ сладкаго, захочетъ горькаго?“ Почему я такъ чувствую—хотѣлось бы Вамъ объяснить.

Правда, въ теченіи этихъ двухъ лѣтъ, прожитыхъ здѣсь, я научилась многое уважать въ католическихъ обычаяхъ, и когда салютисты, у которыхъ бываю иногда на собраніяхъ, начинаютъ съ язвительной усмѣшкой кидать острые камешки въ садъ церкви, они мнѣ становятся противны. А это у нихъ—любимое дѣло.

Только и у католиковъ иное тоже противно. Другое грустно.

Уѣзжая изъ Россіи, я думала, какъ и многіе изъ нашихъ, что пояду въ страну, потерявшую религію. Но уже очень скоро, осмотрѣвшись во Франціи, я сказала себѣ: нѣтъ, здѣсь умѣютъ молиться! И теперь повторю: умѣютъ!

Какая масса свѣчъ горитъ передъ чтимыми образами или статуями! По праздникамъ какая толпа—приличная и благоговѣйная,—въ каждой церкви! Какъ пріятно видѣть послѣ службы эту густую толпу, не спѣшно выходящую изъ дверей храма, и съ высокаго крыльца разсыпашущую по всѣмъ направленіямъ при жидкихъ ударахъ колокола! Вы представьте себѣ эту картину. Зима, и воздухъ свѣжъ, но вездѣ на площадяхъ вѣчно-зеленые кусты въ садикахъ, и что-то

веселое, бодрое такое разлито по улицамъ, блестящимъ чистотою и бѣлизной.

Но для меня церкви еще лучше въ будень—какъ наши, такъ и здѣшнія.

Богомольцы сидятъ рядами. Благоговѣяно тихи. Идетъ служба, но скучная, холодная (по моему), безъ пѣнія, безъ органа. Священникъ бормочетъ вполголоса свои молитвы, точно ему до мірянъ нѣтъ и дѣла, міряне читаютъ свои по книжкамъ; нѣтъ того душевнаго „слиянiя во едино“, какъ у насъ. Священникъ обернется, разведетъ руками: „Dominus vobiscum!“—и не ждетъ, и не слышитъ теплаго отвѣта: „И со духомъ твоимъ!“ И никто не покадитъ молящимся... А они все-таки молятся, уйдя въ себя, часто закрывъ лицо рукою, чтобы никто не видѣлъ выраженiя. Есть что-то благородное въ ихъ сдержанности, скрытности чувства и терпѣнiи, съ съ какимъ они молятся за этой службой, хоть она не даетъ имъ почти ничего.

А мы не такъ. Мы привыкли креститься часто, насъ тянетъ броситься на землю передъ иконой Спасителя. Помню, въ той маленькой церкви, гдѣ я говѣю, священникъ нашъ,—сама искренность,—читалъ великій канонъ... и ни кто не закрывалъ лица, но во всѣхъ углахъ сморкались...

Да, я люблю Францію. И посѣщаю католическія церкви, и дружна съ патеромъ. Но мой патеръ—иной, и въ церкви хожу я всего чаще тогда, когда въ нихъ нѣтъ службы.

Вѣдь онѣ весь день не запираются. Одно это чего стоитъ. Идите къ Богу, когда только душа запроситъ: двери Его дома всегда открыты для Его дѣтей.

Невыразимо отрадно бываетъ войти съ шумной, блестящей и озабоченной улицы подъ высокіе своды тихаго храма и позабыть хоть на нѣсколько минутъ житейскую суету, въ которой тонетъ наше существованіе...

Великою силой было католичество; это чувствуешь, видя слѣды этой силы въ западныхъ странахъ донинѣ. Едва выѣхавъ изъ Россіи, я уже съ радостнымъ удивленіемъ стала встрѣчать на дорогахъ, мимо которыхъ мы проѣзжали, прекрасные, бѣлые, высокіе кресты, точно осѣвняющіе страну. Сколько въ нихъ поэзіи!

„Распростерли кресты придорожные руки молящiя“...

Тироль. Высятся сѣрые каменные исполины. Пониже—

другія горы, покрытыя травой, ряды ихъ прорѣзаны прозрачными, изумрудно-зелеными потоками. И на вершинѣ такой горы часто, часто Вы видите, точно продолженіе и завершеніе ея—маленькую церковь съ готической крышей и взлетающимъ къ небу острымъ шпилемъ. Какъ хорошо! Иногда вокругъ этой церкви разсыпаны, точно изъ мѣшка, какъ попало, желтые маленькіе домики, а иногда она стоитъ одна на крутой вершинѣ. Трудновато, должно быть, богомольцамъ туда взбираться. Да ничего: у нихъ „горныя ноги“ и большое усердіе.

Пріѣдете вы въ городъ, особенно южный. Вездѣ на углахъ домовъ, на перекресткахъ, видите статуи Мадонны. Многія улицы названы въ честь того или другого святого. Одна улица въ Марсель — вся политая, во время оно, кровью мучениковъ,—носитъ до сихъ поръ названіе: rue Sainte.

Не скоро еще вырвутъ изъ сердца народа такія воспоминанія!

А все-таки безъ своей службы томишься.

Вотъ чего я не выношу здѣсь: изображенія пылающаго сердца на груди у Спасителя. Какая дерзость, какое кощунство! Иной превосходный образъ (или картина) совершенно испорченъ для меня этою католической аллегоріей,—*Sacré Coeur*. И во многомъ у нихъ такъ. Хочется сказать: какъ будто полный сосудъ съ медомъ всегда отравленъ какой-нибудь ложкой дегтя для нашего православнаго чувства.

Сейчасъ передо мной лежитъ номеръ приходской газеты. (О дѣятельности приходовъ расскажу послѣ). Въ газетѣ объявляется, что слѣдующая недѣля будетъ посвящена поклоненію—*adoration*,—т.-е. св. Тайны будутъ вынесены въ такіе-то часы для умиленнаго созерцанія вѣрующихъ. Читала я, что для одного англичанина высокой церкви, жаждавшего „истѣе причащаться“ Божеству, эти часы безмолвнаго созерцанія св. Даровъ явились рѣшающимъ моментомъ для присоединенія его къ католицизму.

Все это намъ кажется странно и чуждо. А католики созерцаютъ часами, неподвижные, мистически настроенные, и любовь къ Богу разгорается въ ихъ душахъ нелицемѣрно... Отсюда одинъ шагъ до экстаза, до видѣній. И видѣнія тоже бываютъ. Богородица является въ бѣломъ платьѣ, съ голубымъ поясомъ. Ну, что же это такое? Неужели русскому

святому явилась бы Матерь Божія въ бѣломъ платьѣ съ голубымъ поясомъ?

У нихъ же и не святымъ является.

Психика разная.

Есть въ Лурдѣ гора, называемая Голгоѳой. На протяженіи всего подъема ея изображено, какъ реальное, шествіе Иисуса Христа подъ крестомъ, съ остановками (по католически) и распятіе. Всего 14 сценъ. Фигуры въ человѣческой ростъ сдѣланы изъ бронзы артистически. Симонъ Кириинейскій помогаетъ Господу нести крестъ; онъ одѣтъ также, какъ фарисей, но лицо у него доброе и грустное. Римляне, съ холодными, правильными, презрительными чертами лицъ, неистовствующіе іудеи, плачущія женщины—все выдержано съ полною историческою вѣрностью. Но путь конченъ. Вотъ группа: пригвожденіе ко кресту. Іудеи, книжники, смотрятъ съ чувствомъ удовлетворенія. Все въ ихъ фигурахъ говоритъ: „наконецъ-то!“ Одинъ воинъ вколачиваетъ гвозди, погруженный въ работу. Другой глядитъ на это не то, чтобы съ жалостью, а видно что совершающееся производитъ на него тяжелое впечатлѣніе. Строгое лицо сотника безстрастно. Онъ наблюдаетъ, хорошо ли исполняютъ его приказанія—и только. На самомъ верху горы—распятіе. Вокругъ плачутъ женщины на колѣняхъ. Изъ іудеевъ—одни злорадно хохочутъ, другіе тревожно посматриваютъ на небо. Симонъ Кирииней стоитъ вдали съ грустнымъ лицомъ. Наконецъ, послѣдняя группа—погребеніе. Несутъ пречистое тѣло въ пещеру—натуральную въ горѣ. До иллюзіи художественно сдѣланы эти несущіе. Издали ихъ можно принять за живыхъ людей.

Вы можете себѣ представить, какъ все это трогаетъ душу! Но...

Выпшено объявленіе папы: „Кто хочетъ получить индульгенцію на 9 лѣтъ, пусть вползетъ на колѣняхъ на эту гору и молится за успѣхъ папскихъ намѣреній“.

Безъ ложки дегтя не обошлось и тутъ.

Чудеса здѣсь несомнѣнно бываютъ. Испѣляются всего чаще отъ нервныхъ болѣзней, отъ Виттовой пляски, эпилепсіи и проч. И при каждомъ совершившемся, оглашенномъ во всеуслышаніе чудѣ, толпа богомольцевъ и больныхъ *аплодируетъ*.

Кстати: въ 3-хъ церквахъ Лурда, надстроенныхъ одна надъ другой, поверхъ грота, есть много будочекъ-исповѣдаленъ не только для французовъ, но и для всякихъ иностранцевъ. Надписи надъ ними: для испанцевъ, для нѣмцевъ, для англичанъ... Только для русскихъ нѣтъ. А вѣдь русскихъ много во Франціи. Не характерно ли это?

Еще одно расскажу Вамъ.

Какъ только начнется лѣто, начинаются паломничества въ разныя святныя мѣста. Ихъ заботливо и умѣло организуетъ духовенство. Патеры въ церквахъ приглашаютъ желающихъ. Объявляютъ, что маршрутъ назначенъ такой-то, что будетъ удобно, дешево: столько-то су за одни продукты, столько-то за другіе, за ночлегъ... Но объявляютъ о всѣхъ этихъ „су“ за мессою, во время служенія, передъ самымъ освященіемъ св. Даровъ. По крайней мѣрѣ такъ было въ Claix — одномъ изъ живописнѣйшихъ селеній въ окрестностяхъ Гренобля, гдѣ я случайно зашла въ церковь въ воскресный день.

Это уже не сантиментальность, не мистицизмъ, а просто мѣщанство. Нѣчто отъ духа торжествующаго во Франціи „*épicier*“.

Простите, я можетъ быть во многомъ ошибаюсь. Но я обѣщала Вамъ вѣрно передавать свои впечатлѣнія и исполняю это.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Сколько худого я Вамъ наговорила въ прошломъ письмѣ о католикахъ! Даже самой совѣстно. Такъ ужъ вылилось заразъ... Но они все-таки молодцы. Вотъ здѣсь, въ Греноблѣ, да и повсюду, отстояли свои церкви отъ правительственнаго погрома.

Этимъ погромомъ, этимъ оглушающимъ ударомъ былъ для французскаго католичества законъ объ отдѣленіи церкви отъ государства. „Порвалась цѣпь желѣзная“... и по всему лицу Франціи пошло упраздненіе церквей и монастырей, разгонъ монаховъ, семинаристовъ, конгрегацій, изъятіе школъ изъ рукъ духовенства съ запретомъ учить въ свѣтскихъ школахъ законъ Божій. Много монастырей заустѣло, много готическихъ храмовъ обращено въ дома дешевыхъ квартиръ. Но французы дали отпоръ. Въ Греноблѣ, напри- мѣръ, закрытіе *всѣхъ* церквей повело бы къ возстанію,—и

правительственные комиссары отступили передъ этою угрозою, только „описали“ церковную казну.—Содержите сами ваши церкви, какъ знаете! Мрачная, огромная семинарія стоитъ пустою, зато устроилась новая въ загородной виллѣ богатаго католика, утопающей въ садахъ на склонѣ горы. Выгнанные монахи разошлись по другимъ монастырямъ, даже новыхъ настроили,—и школы—этотъ нервъ духовной жизни народа—частью перешли опять въ вѣдѣніе патеровъ подъ названіемъ *écoles libres*—свободныхъ школъ. Т.-е. въ нихъ позволяется *свободно* преподавать законъ Божій.

Какъ это странно звучитъ для русскаго!

Республика запрещаетъ своимъ чиновникамъ посѣщать церкви. Но развѣ этихъ чиновниковъ такъ много? Попробовали бы запретить входъ въ церкви богатымъ Гренобльскимъ фабрикантамъ, когда они и служащихъ своихъ всѣхъ подбираютъ по убѣжденіямъ.—Вы не церковный?—Не нужны.

Нѣтъ, побѣда правительства надъ церковью далеко не полная, и не смотря на всѣ строгости и ухищренія, не будетъ полною, пока французская женщина останется вѣрна церкви. Это сила. У насъ въ томъ-то и горе, по моему глубокому убѣжденію, что наша женская молодежь такъ спѣшитъ уйти душою изъ страны отцовъ. Среди учащихся дѣвушекъ французенокъ нѣтъ того почти поголовнаго атеизма, какъ у нашихъ. Я знаю одну медичку, серьезно и строго вѣрующую, притомъ съ широкими взглядами. Она дочь хорошей, немного чопорной семьи, а уваженія къ семьѣ во Франціи больше, по крайней мѣрѣ наружнаго. Но вѣдь эта дѣвушка, *m-elle Marie*, изучаетъ въ университетѣ тѣ же естественныя науки, которыя нашихъ дѣтей дѣлаютъ атеистами, а между тѣмъ остается просвѣщенной, но преданной Богу христіанкой. У нея умерла любимая сестра, и она писала мнѣ, прося, чтобъ я *молилась за душу покойной*.

Въ *Matin* была напечатана интересная статья одного аббата, законоучителя столичнаго пансіона. „Вотъ десять лѣтъ—пишетъ онъ—какъ я имѣю дѣло ежегодно съ тремя, четырьмястами воспитанницъ изъ важнѣйшихъ приходовъ Парижа. Слѣдовательно, могу говорить о французскихъ дѣвушкахъ съ нѣкоторой компетенціей. Мое уваженіе къ нимъ безгранично. Трудно представить себѣ, сколько энергіи, ума, правдивости и чистоты въ этихъ молодыхъ французенкахъ съ

вѣрующей душой, и направленной къ добру волей. Онѣ усвоили изъ современнаго прогресса однѣ его лучшія стороны.

Женщины создаютъ нравы, и зная, что сегодняшнія дѣвушки завтра будутъ женами, я убѣжденъ, что имъ,—и никому другому,—суждено поднять улавшее французское общество. Онѣ однѣ принесутъ намъ утѣшеніе въ печальномъ банкротствѣ политическаго социализма и его неисполненныхъ обѣщанійхъ“.

Исполнятся ли *эти* надежды—покажетъ время. Въ настоящемъ же, несмотря ни на что, церковь Франціи находится въ положеніи гонимой, и это не слова одни, а дѣйствительность. Всѣ лица,—сколько-нибудь зависящія отъ правительства (масонскаго и социалистическаго), не смѣютъ открыто исповѣдывать христіанскія убѣжденія. Солдатъ—практикующій католикъ—долженъ терпѣть всякія притѣсненія отъ начальства, ему нечего ждать повышенія по службѣ: онъ на дурномъ счету. Офицеры тоже не считаютъ возможнымъ ходить въ церковь. Или уже переодѣваются въ статское платье, чтобы не обращать на себя вниманіе,—такъ что встрѣтить военный мундиръ въ церкви—большая рѣдкость.

Гражданскіе чиновники въ такомъ же положеніи. У насъ есть знакомый аптекаръ въ Марсель—гдѣ притѣсненія такого рода ощущаются сильнѣе, чѣмъ въ Гренобль. Онъ изъ дворянскаго рода, un ci-devant, но землетрясеніемъ разрушило ихъ замокъ и засыпало родовыя грамоты и документы; откапывать ихъ стоило бы слишкомъ дорого. Родители его живутъ еще по барски на остатки прошлаго, впрочемъ на окраинѣ города,—а сынъ уже долженъ служить на жаловань въ думской бесплатной аптекѣ для бѣдныхъ. Эти бѣдные—скажу къ слову,—приходя въ аптеку, ругаются за то, что имъ даютъ мало, по ихъ мнѣнію, лекарства, или за то, что не даютъ безъ рецепта. Здѣсь бѣдняки бойкіе: „Ils m'insultent“, сообщили онъ намъ грустно-покорнымъ тономъ, будто такъ и слѣдовало быть.

И вотъ этотъ добрый человѣкъ лишенъ права чѣмъ бы то ни было выражать свою принадлежность къ церкви. Въ мѣрѣ чуютъ, что онъ вѣрующій и подсылаютъ шпионовъ слѣдить за нимъ. не зайдетъ ли онъ въ церковь или не оста-

новится ли на улицѣ поговорить съ духовнымъ лицомъ, а за это сейчасъ же—увольненіе. Разъ поймали на мѣстѣ преступленія: у него гостилъ другъ, аббатъ. Къ счастью для подобныхъ случаевъ есть отговорка: „жена моя религіозна, это—ея гость“. Женщинамъ не запрещается быть католическими. Во Франціи, какъ бы то ни было,—свобода, и мужа не заставили выгнать гостя жены.

Не поборовъ католицизма въ настоящемъ, правительство заботится о будущемъ: приняло мѣры, чтобъ воспитать юныя поколѣнія въ атеистическихъ взглядахъ, вырвать изъ дѣтскихъ сердецъ привычку и наслѣдственную склонность къ вѣрѣ. Запрещено въ школахъ даже упоминать о Богѣ: того изъ дѣтей, кто произнесетъ имя Христа или Богородицы, наказываютъ. Учебныя книги какъ высшихъ, такъ и низшихъ школъ, полны презрительныхъ отзывовъ о христіанствѣ, какъ объ отжившемъ суевѣрїи, старой еврейской легендѣ.

Духовныя училища, *écoles libres*, висятъ на волоскѣ. Но католики знаютъ ихъ цѣну и не отдадутъ ихъ безъ упорнаго боя. И надо сказать, что онѣ прекрасно поставлены, жизненно. Я съ удовольствїемъ наблюдаю, какъ на песочную площадку при школѣ выходитъ въ перемѣну молодой аббатъ, уже священникъ съ тонаурой, — окруженный роемъ дѣтей, и играетъ съ ними въ мячъ или кегли такъ просто, весело, какъ равный. Дѣти не боятся и не стѣсняются его. Католики слишкомъ умны, чтобъ отстать въ чемъ-нибудь отъ современныхъ требованій педагогики и гигиены, они и не могутъ поступать иначе въ своей острой борьбѣ за существованіе свободныхъ школъ.

Но грустно то, что и гоненія не заставили французскую церковь возвратиться къ апостольскимъ завѣтамъ. Она не поступилась ни одною изъ своихъ традицій, наиболѣе несогласныхъ съ Христовымъ духомъ. Та же нетерпимость, то же стремленіе къ интригѣ, тотъ же деспотизмъ епископовъ, связанныхъ въ свою очередь необходимостью поддѣлываться къ общему клерикально-политическому направленію. Никакого движенія впередъ къ христіанскому идеалу, все поглощено страстною борьбой! Вотъ ужъ дѣйствительно воинствующая церковь, но по-земному воинствующая! Громадная разница между положеніемъ богатой церковной аристократіи и

бѣднаго, приниженаго деревенскаго духовенства. Отсутствіе соборности.

Что здѣсь хорошо, это—дѣятельность приходоѡ. Чего у нихъ нѣтъ! И союзы рабочихъ-католиковъ, и собранія, и спектакли, и общества благотворительныя, даже дешевыя бани для бѣдныхъ, и приходская газета (послѣднее только въ лучшихъ по дѣятельности приходоѡхъ). На собраніяхъ говорятъ рѣчи не одни духовныя, а и свѣтскіе члены церкви—профессора, адвокаты, и никто имъ не запрещаетъ приглашать вѣрующихъ отстаивать свою свободу совѣсти отъ покушеній правительства. Есть еще листки, издающіеся въ Парижѣ, *presse de la Croix*, очень фанатичныя, полныя злобы, призывающіе къ политической борьбѣ—правительство ихъ не закрываетъ. Но горе тому изъ среды клерикаловъ, кто вздумалъ бы не пѣть съ прочими въ унисонъ! Все отравлено духомъ вражды и раздора: *à la guerre comme à la guerre!*

Мнѣ удалось познакомиться съ однимъ изъ отверженныхъ римскою церковью, добрѣйшимъ старичкомъ, *abbé Dumolac*. Это почтенный, образованный человекъ, всю жизнь болѣвшій сердцемъ о „церковныхъ соблазнахъ“ и писавшій о нихъ неумолчно. Писанье-то его и погубило. Ужъ ему и благожелательные епископы тайкомъ и въ четырехъ стѣнахъ сознававшіеся, что онъ глубоко правъ, совѣтовали знать про себя объ этихъ соблазнахъ. Не всѣ епископы увлечены политически-клерикальнымъ духомъ, есть и изъ нихъ такіе, что желаютъ искренно обновленія церкви, но считаютъ благовременнымъ помолчать, страха ради своихъ собратьевъ и Рима.

Нѣтъ, нашему аббату не шли впрокъ совѣты благоразумія. Идеалистъ чистой воды, онъ все писалъ, требовалъ, грозилъ, умолялъ французское духовенство одуматься, оставить политику и вернуться къ своему „*apostolat*“ и къ евангельскимъ завѣтамъ. Въ результатъ — остался онъ теперь больнымъ старичкомъ, безъ прихода, безъ права служить и безъ средствъ, кромѣ грошевой пенсіи, да и ту выдали ему лишь подъ условіемъ не писать болѣе ничего и не распространять своихъ сочиненій. Требовали было сжечь ихъ, но уже на это онъ не пошелъ: сжечь то, что двадцать лѣтъ было кровью его сердца!

А между тѣмъ всё его сочиненія имѣютъ строго ортодоксальный, католическій характеръ. Ему даже понадобилось сдѣлать нѣкоторое усиліе надъ собой, чтобъ во мнѣ, *схизматикѣ*, признать дочь общей церкви. Но признавъ это отъ всей искренности своего дѣтски-простого сердца, онъ ни разу не сдѣлалъ даже малѣйшей попытки *обратить* меня.

Дюмоляръ уѣхалъ теперь въ Савойю, а здѣсь жилъ онъ въ предмѣстьѣ, занимая невысокую, просторную комнату въ очень скромномъ домѣ; единственною роскошью былъ видъ изъ его двухъ оконъ на лежавшіе кругомъ сады и снѣговые горы за ними. Въ этой комнатѣ помѣщалось все его одинокое хозяйство и священническая утварь: книги, ризы. Неподалеку отъ его квартиры есть великолѣпная платановая аллея, и я часто видала его идущимъ по этой аллеѣ въ городъ или изъ города. На немъ поношенная, опрятная сутана и обязательно—плоская шляпа на серебряныхъ волосахъ. Голова его почти всегда бывала задумчиво опущена и горькая складка лежала на губахъ, придавая лицу его сердитый видъ. Но стоило ему увидѣть кого-нибудь знакомаго, складка эта исчезала и ласковая улыбка освѣщала лицо.

Спросишь, каково поживаетъ? Отвѣтитъ — всегда тепло и живо:

— Mais grâce à Dieu, chère madame, je ne vais pas mal aujourd'hui.

Или-же:

— Pas très bien, ma pauvre dame, pas très bien, mais que voulez vous? Je ne suis plus jeune, on doit patienter.

Это потому я бѣдная, что онъ боленъ.

А въ молодости онъ былъ богатырь, говорятъ, и неутомимый нравственный борецъ. Да оно и видно: двадцать лѣтъ итти противъ теченія...

У аббата есть друзья въ Греноблѣ. Ко мнѣ тоже онъ заходилъ нерѣдко, былъ кажется доволенъ моимъ радушіемъ и не безъ удовольствія пилъ чай съ „русскимъ“ вареньемъ, т. е. свареннымъ по русски, французское варенье тягучее.— Вы меня балуете, ma bonne dame, говорилъ онъ. Онъ даже принималъ отъ меня маленькіе гостинцы, но когда моя сожительница, студентка Славина, вздумала угостить его обѣдомъ, онъ оплатилъ ей, пославъ тортъ. Какъ-то разъ, не

задолго до его отъезда, вышли у меня непріятности съ „лже-братіями“, которыхъ много за границей. Русская замужемъ за полякомъ, — авантюристы. Ищутъ кого бы опутать. Было у меня съ ними объясненіе, непріятное и не вполне искреннее, въ саду. Хотѣлось скорѣе кончить, уйти. Вдругъ вижу аббатъ милый идетъ по улицѣ и заходитъ въ ряды, Galerie nouvelle. Я обрадовалась, простилась тотчасъ съ парочкой и легкими шагами пошла въ Galerie. Онъ тамъ покупалъ башмаки, долго торговался, потомъ я увела его къ себѣ. Побесѣдовали. Отъ чая онъ отказался, говоря что сердце у него плохо. (Французы пьютъ очень крѣпкій чай). Спросилъ, нѣтъ ли шоколада? У меня его не было. — Можетъ быть, есть варенье? И того на бѣду не оказалось. Тогда онъ сказалъ мнѣ жалобнымъ и конфузливимъ тономъ:

— Vous voyez, ma bonne dame, vous m'avez gâté, je deviens exigeant!

Его интересовали наши церковные обычаи. Спросилъ разъ „Неужели въ вашей странѣ священникамъ разрѣшено жениться?“ — Какъ же, говорю, всѣ женятся. Онъ пожалъ плечами и недоумѣнно выговорилъ:

— Un prêtre marié!...

Правъ онъ или нѣтъ? Вотъ у него одинокая, безрадостная старость. Да, но будь у него жена, она бы его пилила, вѣроятно, за то, что онъ всѣмъ пожертвовалъ идеѣ. А теперь у него Богъ и сознаніе честно прожитой жизни.

Конечно, на самоотверженіе способенъ не всякій. Безъ женъ-то уже очень часты скандалы, — много грѣха и нареканій на католическое духовенство. Этимъ пользуются враги церкви. Не нормальныя ли условія личной жизни или отдаленіе католицизма отъ христіанскихъ идеаловъ, которые давали бы пищу и подкрѣпленіе одинокимъ аббатамъ въ борьбѣ съ искушеніями, давали бы смыслъ и красоту ихъ жизни, — только духовенство въ деревняхъ и захолустныхъ городкахъ очень опустилось.

Если католичеству суждено пасть, то первую, я думаю, падеть исповѣдь. Противъ исповѣди поднимается много голосовъ и именно въ народѣ. У меня есть искренній и добрый другъ, старушка, жена какого-то garde изъ верхнихъ Альпъ. Очень хорошій человекъ она сама, и семейство ея

хорошее. На родивъ ихъ любили всѣ; кюре тоже былъ съ ними друженъ (хотя она не „девятка“). Поэтому—какъ она говорила мнѣ — „въ Гапшѣ мы всегда знали, какая изъ дѣвушекъ... провинилась“.

Комментаріи, кажется, излишни.

А. Курянова.
